

лась исследователями. Как известно, в предшествующий период (1760-е—1770-е гг.) русских комедиографов не отличала последовательность в таком важном вопросе, как речевая характеристика действующих лиц: «Создавалось впечатление, что авторы, пытавшиеся передать язык крестьян,— писал П. Н. Берков,— не имели точных представлений об особенностях какого-либо определенного говора, но „создавали“ особый крестьянский язык, механически соединяя все, что было известно об отличиях языка деревни от литературной или, по крайней мере, от городской нормы».³³

В статье «Лексика народной разговорной речи» к сходным выводам приходит Г. П. Князькова, считая это естественным следствием натуралистического воспроизведения действительности: «...типологическая и внутренняя обусловленность речи персонажей драматического произведения, раскрытие образа через смысловое содержание речи, присущие реалистическому методу, еще не доступны натуралистической комедии. Для нее характерно внимание к броским деталям речи: к элементам простонародным, областным, а также к специальной лексике как к средствам социально-характерологического различения персонажей».³⁴

В начале 1780-х гг. нарочитая «засоренность» реплик «низких» персонажей диалектизмами и просторечием становится объектом критики ряда писателей. В первую очередь в связи с этим нужно назвать предисловие к «Розане и Любиму» Н. П. Николева, где писатель выступает против воспроизведения в комических операх «низкого и подлого речения российской черни». Как убедительно доказал П. Н. Берков, в связи с этим в начале 1780-х гг. складывается новый подход к языку музыкальных пьес: «Успех ли „Розаны и Любима“ (роль лесника Семена составила славу одного из крупнейших московских актеров 1770-х—1780-х гг. — Ожогина), общая ли реакция против механического изображения условного крестьянского языка,— во всяком случае, с конца 1770-х гг. все реже и реже встречается диалектная характеристика крестьянских персонажей и сменяется тем, что сделал Николев со своим лесником, наделив его речью, лишь слегка окрашенной „оканьем“ и просторечием подмосковных крестьян. Так была разрешена довольно сложная для комедиографов XVIII века проблема крестьянского языка».³⁵

³³ Берков П. Н. О языке русской комедии XVIII века // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. М.; Л., 1949. Т. 8, вып. 1. С. 43.

³⁴ Князькова Г. П. Лексика народной разговорной речи в комедии и комической опере 60—70-х годов XVIII века // Материалы и исследования по лексике XVIII века. М.; Л., 1965. С. 221.

³⁵ Берков П. Н. О языке русской комедии XVIII века. С. 44.